

## Глава шестнадцатая. На Урицком направлении

30 сентября фашистские дивизии были остановлены у стен Ленинграда. И наши, и немецкие войска начали окапываться, переходя к обороне. Никто тогда, конечно, не знал, что это великое противостояние двух армий продлится больше двух лет – до января 1944-го. Не знал этого и младший лейтенант Аркадий Иоффе, обживавший в те дни со своим взводом позиции в районе Лигово, у развилки Петергофского и Таллинского шоссе. Причем, на передовой, в пехотных порядках, где прожектористам, казалось бы, делать нечего. Прожекторная станция на виду у врага – идеальная мишень. И тем не менее – была передовая и были прожекторы. А еще были кони. Когда-то папа рассказывал про лошадь, на которой он ездил во время блокады по служебным делам в город и даже «заскакивал» на ней домой, на Аптекарский переулок. А дела были несколько необычные как для прожектористов, так и для пехоты.

Читая книгу «Прожекторные войска...», на страницах 51–52, в воспоминаниях полковника М.А. Родионова о тех днях, когда он был молодым лейтенантом, упираться взглядом в следующие строки:

*«...В июле 1941 года командование 2-го ЗПрП создает две конно-прожекторных роты. Я попал в 20-ую роту. Командиром роты был назначен л-т Валеров. В роте было три взвода. Первым взводом командовал л-т П.А. Ходасевич, 2-м М.А. Родионов, а 3-м мл. л-т Л.Т. Иоффе».*

Это еще не вся цитата, но я вынужден сделать паузу и выдохнуть. Вот: этот самый товарищ Родионов не только служил с папой в одной роте, он, оказывается, был, к тому же, командиром соседнего взвода. Перепутанные инициалы меня не смущают. Во-первых, все совпадает с папиными рассказами, во-вторых, вряд ли мог быть в полку, точнее – в списочных составах двух рот, второй младший лейтенант с такой же фамилией. Тем не менее, для очистки совести, как говорится, я попытался в доступных мемуарах и документах найти не только в полку, но и во всем 2-м корпусе ПВО хоть кого-то из наших однофамильцев. И одного нашел. В изданном в 1981 году военным издательством министерства обороны СССР труде «Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945. Краткая хроника» прочитал: «12 марта – чет-

*верг... Личный состав 72-го отдельного радиобатальона ВНОС (созданного в Ленинградском военном округе еще до войны, в апреле 1941 года. – Г.И.) поддержал почин воинов зенитной батареи старшего лейтенанта Прусса, выступивших с призывом бороться за сокращение времени боевых нормативов. Радиолокаторщики добились высоких результатов. В частности, на кодирование цели по нормативам предусматривалось 3 секунды, а лейтенанты Кутьин и Иоффе осуществляли эту операцию за 2 секунды).*

Конечно, это был другой человек. Во-первых, лейтенант, во-вторых, служил он в другом подразделении, в-третьих, в марте 1942 года, когда произошли эти события, папа был уже очень далеко от Ленинграда.

Чужие инициалы не смутили меня и еще по одной причине. Читая книгу Зинченко и Киселева, в которой приведены воспоминания Родионова, изданную, напомним, тиражом 100 экземпляров и, по всей видимости, в авторской редакции, я то и дело наткнулся на элементарные ошибки и опечатки. Чесменскую церковь, например, авторы называют Чосменской, перед фамилией капитана Голубецкого в одном месте стоят инициалы Д.С., в другом – Д.Ф. То же и с папиными инициалами. Хотя и не совсем то же. Скорее всего, авторы пользовались рукописными воспоминаниями уже немолодого полковника Родионова, и не вполне разобрали его старческий почерк: «А» вполне могли принять за «Л», а «Б» – за «Т».

Но читаю дальше воспоминания Родионова:

*«На складе получаем самые настоящие пулеметные тачанки, коней и пехотные прожектора (диаметр отражателя 40 см) и к ним двигатели типа Л-6.*

*В пересыльном пункте набираем солдат, обучаем их прожекторному делу и 13 сентября 1941 года отправляемся на передовую с задачей – светить по смотровым щелям фашистских танков в случае их ночной атаки.*

*Со своим взводом я попал в расчет на передовую 14-го краснознаменного мотострелкового полка 21-й мотострелковой дивизии НКВД.*

*Перед каждым вечером приходилось заводить движок, на что “пехота” возмущалась, т.к. немцы тут же открывали беспощадный минометный огонь, ориентируясь на шум движка. К нашему счастью ночной атаки немецких танков так и не было. Немцы, потеряв надежду на штурм Ленинграда, зарылись глубоко в землю. Фронт стабилизировался».*

Возможно, на первых порах, когда немцы еще наступали, у прожектористов действительно был такой приказ: светить в лицо вражеским танкистам. Но на практике прожектористы стали пехотинцами, участвуя в боевых действиях наравне с мотострелками. Об этом свидетельствует папин рассказ, который на этих страницах продолжит и дополнит воспоминания его коллеги взводного Родионова.

9 мая 1975 года, в день 30-летия Победы над Германией, мы ездили всей семьей в те места, где стоял папин взвод, на бывшую передовую, и он показывал место, где находился его блиндаж. Это был поросший травой косогор, еще не тронутый в то время благами цивилизации. А в 2004-м Гена возил его туда

в последний раз. Папе было уже 85 лет. И вот что он написал через несколько месяцев после этой поездки.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости», 9 мая 2005 года. Специальный бесплатный выпуск, посвященный 60-летию Великой Победы:

### **Противник – ослеплен, атака захлебнулась**

*Прошло уже более шестидесяти лет, а тот минометный взрыв все еще стоит перед глазами. Друг вышел из блиндажа к умывальнику, и в этот момент – оглушительный удар... А ведь я сам несколькими секундами раньше был на этом месте, где теперь зияла воронка и клубился черный дым...*

*Осенью сорок первого мне, молодому лейтенанту, командиру взвода, довелось участвовать в мало кому сегодня известной военной акции на Урицком направлении, когда Ленинградским фронтом командовал Георгий Константинович Жуков. По приказу командования на базе 2-го прожекторного полка ПВО была сформирована рота полевых прожекторов ПП-50 с подъемным устройством. Эти прожекторы устанавливали на тачанки с конной тягой. Они были похожи на зенитные прожекторы, освещавшие ночное ленинградское небо, но уступали им по мощности.*

*Созданную в короткий срок роту полевых прожекторов передали под командование 14-го Краснознаменного мотострелкового полка 21-й мотострелковой дивизии НКВД. Чтобы предотвратить прорыв гитлеровцев через Урицк в Ленинград, этой дивизией укрепили 42-ю армию.*

*Наш взвод занял позицию в районе Лигова. Совсем недавно довелось вновь побывать там, у развилки Петергофского шоссе, сфотографироваться с семьей у обелиска павшим. Трудно теперь узнать те места, где мы воевали. Однако участок, где располагался тот самый блиндаж, я определил точно.*

*Какие же военные задачи выполнялись с помощью наших передвижных прожекторов? Главная – внезапно ослепить противника и дать возможность нашим огневым средствам вести прицельный огонь. Под ярким светом прожекторов немцы впадали в панику и нередко несли ощутимые потери, так как на вооружении у нас помимо самих прожекторов были еще противотанковые ружья, гранаты и самозарядные винтовки зарубежного производства. Впервые опробованная нами тактика освещения противника полевыми прожекторами применялась затем не раз, в том числе и в 1945 году при наступлении на Берлин.*

*Но вернемся в октябрь 1941-го. Контратаками, которые стали возможны также благодаря применению прожекторов, войска Ленинградского фронта вынудили противника перейти от наступления к обороне. Хотя, конечно, гитлеровцы не прекращали попыток обстрела наших позиций и часто пробовали атаковать, ведя минометный огонь.*

*Наш военный труд казался нам тогда делом не героическим. Лишь теперь начинаешь с гордостью осознавать, что вместе со своими боевыми товарищами тоже внес вклад в сохранение нашего прекрасного города.*

Аркадий ИОФФЕ,  
ветеран Великой Отечественной войны

Из книги Галины Зябловой «Строка на обелиске»:

*«Когда 31 августа руководители 21-й дивизии НКВД прибыли на первую рекогносцировку участка обороны и остановились на окраине Автова у полотна железной дороги, близ кладбища Красненького, видимость переднего края в направлении Стрельна – Урицк – Красное Село – Пулково оказалась нулевой. Шереметевский парк, поселки Княжево и Дачное затрудняли обзор, они же могли дать врагу возможность сосредоточить под их прикрытием силы для броска к Автову.*

*Командир 21-й стрелковой дивизии Михаил Данилович Папченко... предложил переменить расположение линии обороны. Командиры направились дальше и остановились у развилки дороги Ленинград – Стрельна – Красное Село. (Той, где сфотографированы в 2004 году у обелиска папа, мама и Гена. – Г.И.) Здесь обзор открывался широкий: видны были Горелово, Константиновка, Красное Село, Финское и Русское Койрово, Кискино, Пулково, мясокомбинат.*

*«Это и натолкнуло меня на мысль о выдвигании внешнего обвода города навстречу врагу, на рубеж: Финский залив – клиновские дома – юго-западная окраина Лигова – деревня Новая – Койрово – Авиагородок – Купчино – Мурзинка, – писал в своих воспоминаниях о войне М.Д. Папченко. – Это решение оправдывал и тот факт, что наши тылы в Шереметевском парке и в населенных пунктах становились невидимыми для врага».*

*План был принят Военным советом фронта».*

*Здесь, прежде чем вернуться к делам прожектористов, самое время рассказать о 21-й мотострелковой дивизии НКВД, в которой папа провоевал до февраля 1942 года. И не только потому, что «там был папа». Думаю, памятная справка Военно-исторического клуба «Ленинградец» будет интересна читателю сама по себе. Когда слышишь словосочетание со зловещей аббревиатурой «НКВД», в голове возникают самые разные и далеко не восторженные картины. Что же кроется за словами «дивизия НКВД» на деле?*

### **21-я мотострелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР**

*Сформирована июле–августе 1941 г. на базе 13-го оперативного полка НКВД, 14-го мотострелкового полка НКВД, 6-го – Ракверского и 8-го – Хаапсалуского погранотрядов Прибалтийского пограничного округа, охранявших южное побережье Финского залива. В дивизию влилась окружная школа младшего начсостава пограничных войск. Командовал дивизией полковник Папченко М.Д.*

*В 14-й полк входили: личный состав 14-го Краснознаменного мотострелкового полка НКВД, подразделения 33-го и 5-го погранотрядов, вышедшие из боев на Карельском перешейке, Окружная школа младшего начсостава погранвойск. Командир полка – подполковник Родионов В.А. (начальник Окружной школы младшего нач. состава). 3–4 сентября 41 г. полк занял участок обороны: **Финский залив, юго-восточная окраина Урицка, Балтийская железная дорога.** (Из воспоминаний комиссара полка И.И. Агашина: «Осенью 41-го ширина участка обороны нашего полка составляла около семи тысяч метров. – Г.И.)*

# САКТ-ПЕТЕРБУРСКИЕ ВЕДОМОСТИ

191025, С.-Петербург, ул. Марата, 25  
www.spbvedomosti.ru  
post@spbvedomosti.ru

Основана в 1728 году



Визитница победителей. Ленинград, 1945 г. Фотография из Центрального государственного архива кинофотодокументов.

## 60 лет Великой Победе!

### Дорогие фронтовики!

С вами мы делим радость Победы. Эта радость пришла в кровь, стала залогом не только военных побед. Еще не раз она вырвется в мировой жизни, поможет нашему поколению выпустить сильную, процветающую страну, успешно преодолеет российские экономические и социальные трудности. Наш народ прошел в одну минуту историю мы знаем лучше, знаем, что мир — это прежде всего процветание, экономический и технологический успех. Они — основа внутренней и внешней силы России, ее обороноспособности и безопасности. И эту славу — великую славу мы передадим нашим детям.

9 Мая вспоминают тех, кто не дожидаясь праздника Победы, Это наша непроходящая боль. И святой долг — уметь слышать голоса, заглушенных в ружейной эре и на полях сражений Европы. Наш народ отдал победу все. Мы поминем не только подвиги бойцов. Честь и слава вам, героические труженники тыла, низкий поклон всем, кто в изнурительные распушечные дни, делая сверхурочные, ставил на ноги раненых, кто терпел, ждал и ждал.

Владимир ПУТИН,  
президент Российской Федерации

### Дорогие ветераны, участники Великой Отечественной войны, защитники Ленинграда, жители блокадного города! Дорогие ленинградцы-петербуржцы!

60 лет прошло с того дня, когда закончилась самая страшная и кровопролитная война в истории человечества. 60 лет прошло с того дня, когда наша народ совершил величайший подвиг по мере войны на земле, оставившая чудовищную машину смерти, имя которой фашизм. Эта победа досталась нам огромной ценой, ценой неисчислимых испытаний и потерь, всю тяжесть которой невозможно выразить словами, потому что просто не существует таких слов.

Нет такой семьи в истории войны, которая бы была без горя. И в знак об этом не по шлольным утробам. Мой отец вернулся с фронта героем. Но вышло на мою долю счастье — расти в большой, крепкой, дружной семье — преданных, любящих. Отец, родившийся в Ленинграде, да и я тоже, да и сейчас я живу в Ленинграде. Не стало. Не было твое, и мама осталась с нами одна. Как и многие мои сверстники, дети послесовенных лет, мы не знали детства, все наше детство — это труд, это забота о близких, это забота о стране. Мы росли с детства со взрослыми и чужими людьми, мы восстанавливали то, что разрушила война, строили новую жизнь.

Жизнь со мной счастлива, кто придет после нас. Поэтому сколько бы ни сменилось поколений. День Победы останется самым дорогим и священным праздником, великим днем освобождения. В этот день благодарю родных, наших соплеменников, соотечественников, которые обеспечили нам мирную жизнь, в которой можно любить и верить, строить дома и воспитывать детей.

Дорогие ветераны! Ваш подвиг — это величайший пример мужества, самоотверженности и героизма для всех людей мира, которые выступают сегодня против фашизма, терроризма и насилия. Именно поэтому День Победы стал международным праздником, праздником, в котором мы — главные герои. Ваш подвиг бессмертен. Ваш мужество бесстрашно. И долг человечества перед вами безграничен. Сколько бы ни прошло лет с того майского дня, наша благодарность не угаснет.

От всего сердца в эту годовщину каждого из вас, дорогие ветераны, жены-осободительницы, солдаты, труженники тыла, защитники Ленинграда, участники блокадного Ленинграда с Днем Великой Победы. Мы вам, счастья, крепкого здоровья, долголетия, тепла и заботы близких!

Особенно хочу обратиться к моим ленинградцам. Дорогие наши дети! Дай Бог, чтобы наша гордость не когда больше не знала похода и бомбежек. Дай Бог, чтобы в вашей жизни никогда не повторилось то же кошмар, который пережили ваши деды. Так берегите же! Будьте достойны тех, кто отстоял нашу Буржуазия с Дня Победы!

Валентина МАТВЕНКО,  
губернатор Санкт-Петербурга

### Дорогие ветераны! Уважаемые жители Ленинградского области!

От всего сердца поздравляю вас со святым праздником — шестидесятилетием юбилеем Великой Победы! 9 мая 1945 года ознаменовалось выдающимся подвигом наших соотечественников, которые отстояли свою Батьку, и современный подвиг во многом предопределил нас современной истории. Без победы со второго года в Великой Отечественной войне трудно представить нашу историю и будущее. Мы не вправе забыть ни одного из нас и обилие героических подвигов высокой ценой.

Ленинградскую область война не обошла стороной. Невский петасис, Ораниенбургский полк, Лужский рубеж, Сиверские высоты — эти и другие названия являются священной памятью о тех, кто проливал кровь на Ленинградской земле. Через Ленинградскую область эвакуировали раненых, женщин и детей по Дороге жизни. На территории нашего региона оставлены войска, не позволив фашистам наступить в Ленинград. Город обеспечивался продовольствием по льду Ладожского озера.

В Ленинградскую область почитает бесстрашными создали комсомольцев и партизан, героическую самоотверженность труженников тыла — всех, кто приближал Великую Победу. Вы, дорогие ветераны, восстанавливали родную край и тяжелейшие послевоенные годы, создавали материальную базу нашей промышленности и сельского хозяйства. Ваш пример трудолюбия, достоинства является образцом для будущих поколений. Нашей задачей является забота о ветеранах и труженниках тыла, о сохранении их исключительной признательности за патристическое воспитание молодежи, самолюбия и отстаивания чести Родины.

Святая обязанность каждого из нас — постоянно, а не только по торжественным дням поддерживать память старшего поколения. Память о Великой Победе не должна быть забыта, она должна быть в наших сердцах, и мы продолжаем помогать ветеранам в решении бытовых, социальных и других вопросов.

### Спасибо вам, герои!

Поклон всем, кто сражался в боях Великой Отечественной или трудился в тылу, кто был награжден орденами и медалями или не стеснялся военных обстоятельств остаться без награды, кто вернулся с войны или навсегда остался на полях сражений. Спасибо нашу страну от благодарного населения финскими войсками, спасая нашу страну от нашествия фашистов, вы пожарили всю нашу жизнь и будущее.

День Победы поэтому всегда был самым светлым нашим праздником. Триумфом освобождения, жизни, радости — пусть и «со слезами на глазах». Днем нашей обязанности гордиться за свою страну, за наш народ, за отцов и дедов...

### Но 60-летие Победы — особый праздник.

Потому что многие наши ветераны уже достигли преклонных лет, и для них нынешний юбилей имеет свое проницательное значение.

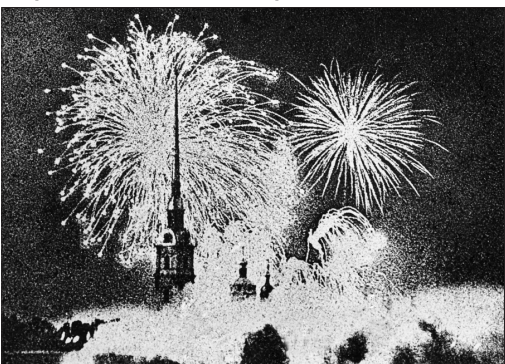
Есть в сегодняшнем празднике и другая горечь. Некоторые наши соседи по Европе ухватились за великий юбилей, чтобы погромче заговорить о себе. Им не близка позиция сегодняшней Германии, открыто признающей свою ответственность за случившееся в годы второй мировой. Им хочется перевернуть все с ног на голову. Своих карателей, служивших Гитлеру, признавать потными ветеранами войны. А наших ветеранов, соот-

ветственно, карателями и оккупантами.

Не выдает, господа хорошие! История не удавалось переписать и более мучительным политиком. Видимо, как просто перевернуть что главным героем Дня Победы — русский солдат, которого вы до сих пор побиваетесь.

Да, это праздник русского солдата. И это наш национальный праздник, когда все россияне чувствуют себя единым народом. Великой нашей, способной на мирное. Кто знает, может быть, именно 60-летие Победы станет опорной точкой для нового возрождения России!

Спасибо вам, победители!



Валентина МАТВЕНКО,  
губернатор Санкт-Петербурга



Арктик ИОФФЕ,  
ветеран Великой  
Отечественной войны

## Противник — ослеплен, атака захлебнулась

Прошло уже более шестидесяти лет, а тот мимолетный взрыв все еще стоит перед глазами. Друг вышел из блиндажа к уму-вильнику, и в этот момент — ослепительный удар... А ведь я сам несколькими секундами раньше был на этом месте, где теперь зияла воронка и клубился черный дым.

Осенью сорок первого мне, молодому лейтенанту, командовать в млодо кому сегодня известной военной акции на Урицком направлении, когда Ленинградским фронтом командовал Георгий Константинович Жуков. По приказу командования на базе 2-го прожекторного полка ПВО была сформирована рота полевых прожекторов ПП-50 с подъемным устройством. Эти прожекторы устанавливались на треножниках с конной тягой. Они были похожи на зенитные прожекторы, освещавшие ночное небо, но уступали им по мощности.

Созданную в короткий срок роту полевых прожекторов передали под командование 14-го Краснознаменного мотострелкового полка 21-й мотострелковой дивизии НКВД. Чтобы предотвратить прорыв гитлеровцев через Урицк в Ленинград, этой дивизией укомплектовали 42-ю армию.

Наш взвод занял позицию в районе Лигова. Совсем недавно довелось вновь побывать там, у развилки Петергофского шоссе, сфотграфировать с собой у обелиска павшим. Трудно теперь узнать те места, где мы воевали. Од-

нако участок, где располагался тот самый блиндаж, я определил точно. Какие же военные задачи выполняли прожекторы? Главная — внезапно ослепить противника и дать возможность нашим огневым средствам вести прицельный огонь. Под ярким светом прожекторов немцы впадали в панику и нередко несли ощутимые потери, так как на вооружении у нас помимо своих прожекторов были еще

и самозарядные винтовки — тот самый блиндаж, я определил точно. Первые опробованная нами тактика освещения противника полевыми прожекторами применялась затем не раз, в том числе и в 1945 году при наступлении на Берлин. Но вернемся в октябрь 1941-го. Контратаками, которые стали возможны также благодаря применению прожекторов, войска Ленинградского фронта вынудили противника перейти от наступления к обороне. Хотя, конечно, гитлеров-

цы не прекращали попыток обстрела наших позиций и часто пробовали атаковать, ведя мимолетный огонь. Наш военный труд казался нам тогда делом не героическим. Лишь теперь начинаешь с гордостью осознавать, что вместе со своими боевыми товарищами тоже внес вклад в сохранение нашего прекрасного города.

8-й полк состоял из 8-го погранотряда и совпартактива Невского района Ленинграда. Командир полка – полковник Демидов С.П. Позиции на 3 сентября 41 г. – район Балтийская железная дорога, р. Дудергофка, Лиговский канал.

6-й полк состоял из бойцов 6-го погранотряда и совпартактива Московского района Ленинграда. Командир – полковник Нестеров. Полк вышел на рубеж Аэропорт, Средняя Рогатка, Витебская железная дорога.

35-й полк полковника Ефимова находился во втором эшелоне дивизии. 13-й полк нес охрану Смольного.

Кировский завод передал дивизии 75 отремонтированных орудий без панорам и 18 пушек, смонтированных на автомашинах, в качестве подвижного резерва. Для укомплектования орудийных расчетов в дивизию были направлены 1500 человек из городской милиции, все бывшие артиллеристы.

С 3 по 12 сентября полки оборудовали полосу обороны и несли заградительную службу на Таллинском и Пулковском шоссе, по которым отступали разрозненные части Красной Армии. В инженерных работах принимали участие рабочие Кировского завода. Они монтировали на позициях стальные бронеколпаки и бронещитки. В ночь на 12 сентября через боевые порядки дивизии прошло большое количество беженцев и военнослужащих Красной Армии. 13 сентября в районе Урицка и Старо-Паново пограничники 21-й дивизии вступили в непосредственное соприкосновение с противником. Удар нанесли передовые части 58-й пехотной и 36-й моторизованной дивизий Вермахта. На рассвете 14 сентября позиции пограничников подверглись массированному налету немецкой авиации. Одновременно противник начал артиллерийский обстрел позиций, а затем и штурм рубежей, занимаемых 21-й дивизией.

На помощь пограничникам пришли наши тяжелые артполки и корабельная артиллерия Балтийского флота. Артиллерийский удар был нанесен по скоплениям пехоты и танков противника западнее Урицка и Старо-Паново. Немецкие танки и пехота, перешедшие в атаку вдоль насыпи Балтийской ж/д, были встречены огнем противотанковых пушек. 15 сентября бои продолжались на прежних рубежах. Все попытки противника продвинуться вперед успеха не имели. В полосу обороны дивизии была введена 56-я стрелковая дивизия полковника Кузнецова.

С 16 сентября 1941 г. 21-я дивизия НКВД вошла в состав 42 армии. 17 сентября в контратаку на Старо-Паново была брошена ударная группа под командованием комбата Семина – батальон 85-го железнодорожного полка НКВД, 250 бойцов 14-го полка 21-й дивизии и подразделения ополченцев. Бойцы достигли вражеских окопов и навязали немцам рукопашный бой. Овладеть Старо-Пановом не удалось, но выходы из Урицка были прикрыты. Несмотря на огромные потери, немцы не смогли преодолеть рубежи, занимаемые 21-й дивизией НКВД, и к вечеру 17 сентября были вынуждены прекратить атаки и перейти к обороне. Пограничники также продолжали укреплять свои позиции. На участок, занимаемый 14-м полком, прибыли 10 танков КВ (командир танкового батальона майор Проценко). Танки были установлены в качестве огневых точек южнее Шереметевского парка (Шереметевский парк, ныне парк Александрино, избрал для своего командного пункта и командир 14-го полка подполковник Родионов. – Г.И.). Там же заняла позиции зенитная батарея капитана Морева, а в районе Автово разместился 14-й полк тяжелой артиллерии. Враг был остановлен, на занимаемых позициях дивизия осталась до января 44 г.

В октябре 41 г. части дивизии совместно с танками майора Проценко пытались прорваться навстречу десанту, высаженному в Стрельне. Но оборону противника преодолеть не удалось. Больше на участке обороны 21-й дивизии значительных наступательных операций не проводилось, не считая периодической разведки боем, и беспокоящих действий по отношению к противнику. В октябре 41 г. в 14-м полку дивизии по инициативе лейтенанта Буторина начало развиваться снайперское движение.

Весной 42 г. в Урицк прибыл Норвежский добровольческий легион СС. 16 апреля 42 г. под Урицком вторая рота 14-го полка 21-й дивизии вступила в бой с легионерами. Норвежцы, проделав проходы в заграждениях, продвинулись к нашим позициям и ворвались в траншеи. Но, вступив в рукопашную схватку с пограничниками и потеряв более 200 человек, вынуждены были отступить.

В соответствии с постановлением ГКО СССР от 26 июля 42 г. № 2100сс 21-я стрелковая дивизия НКВД передавалась из подчинения Наркомата внутренних дел в состав Красной Армии. С 16 августа 42 г. дивизия стала именоваться 109-й стрелковой дивизией (2-го формирования).

К сказанному надо добавить, что штаб дивизии находился всего в двух километрах от передовой, в здании, где до войны располагалась больница имени Огюста Фореля (проспект Стачек, 158). В народе говорили просто: больница Фореля, а трамвайные кондукторы по пути в Стрельну объявляли еще проще: следующая остановка – Форель.

memoria\_\_\_\_\_

**Дача К. Сиверса – Усадьба Г.А. Потемкина –  
Больница «Всех скорбящих» –  
Больница имени О. Фореля – «Кировский городок»  
(пр. Стачек, дома 140–158)**

Петр I пожаловал этот участок адмиралу И.М. Головину, после смерти которого земля была разделена на равные части его сыновьями бригадиром И.И. Головиным и вице-адмиралом А.И. Головиным.

Гофмаршал при дворе Елизаветы Петровны К.Е. Сиверс приобрел западный участок в конце 40-х гг. XVIII в., а спустя два десятилетия – и восточный участок. Кроме того, в состав имения Сиверса вошел и участок бывшего имения Ф.М. Апраксина, примыкавший к усадьбе Головина с запада. На месте старых деревянных построек по заказу Сиверса архитектором Б.Ф. Растрелли был возведен каменный двухэтажный дворец в стиле барокко. Центральная часть подчеркивалась пышным подъездом, к которому вели два пандуса. Над подъездом – крытый балкон, завершенный сложным картушем. Фасады были акцентированы пилястрами, кровли имели сложные очертания. В отделке обильно использовалась скульптура. Дворец располагался на природной террасе, ниже которой проходила Петергофская дорога. Дополняли ансамбль два отдельно стоящих флигеля и регулярный парк с прудом. Строительство дачи Сиверса было завершено в 1761 г.

Затем дача перешла во владение Г.А. Потемкина, была приобретена у Потемкина императрицей Екатериной II и пожалована графу И.А. Остерману, вице-канцлеру,

дипломату, главе коллегии иностранных дел. Для него дворец был перестроен в стиле строгого классицизма. Многие исследователи полагают, что руководил перестройкой И.Е. Старов. Растреллиевский подъезд был превращен в высокую трехъярусную башню с часами, завершенную бельведером.

В 1808 г. дачу приобрел князь П.П. Щербатов – последний частный ее владелец, который в 1828 г. продал усадьбу в казну для устройства в ней больницы для умалишенных – первой государственной психиатрической больницы в Петербурге. Главное здание после пристройки двух больничных корпусов приобрело в плане форму буквы «П». Внешний вид зданий после этой перестройки больше не менялся, дальнейшие перестройки в середине XIX в. касались лишь внутренней планировки и пристройки новых клинических корпусов. В главном корпусе располагались церковь, контора, приемные комнаты, столовые, отдельно для мужчин и для женщин, и залы, также отдельные для мужчин и для женщин, для «спокойных» больных. Из главного корпуса просторные коридоры вели в боковые флигели – мужской и женский.

Первоначально больница была рассчитана на 120 человек (70 мужчин и 50 женщин), но вскоре этих мест стало не хватать. Корпуса флигелей стали удлинять, пока они не образовали замкнутого каре со внутренним двором. На территории больницы появились павильоны для содержания больных, дома для проживания персонала, хозяйственные постройки.

В 1847–1850 гг. были возведены корпус для служащих больницы (пр. Стачек, 160) и корпус для неизлечимых больных (д. 148), а в 1853 г. выстроена каменная часовня для отпевания.



Бывшая больница имени Фореля. 1942 год. Фото Н. Хандогина



Больница на дореволюционном снимке

В 1922 г. больницу назвали именем швейцарского невропатолога и общественного деятеля Огюста Анри Фореля, который дружил с А.В. Луначарским и высказывал свои симпатии к СССР. Церковь ликвидировали, ее помещение передали под клуб.

Больница им. Фореля просуществовала до 1941 г., когда, при приближении линии фронта, была эвакуирована. В здании находились командные пункты ряда воинских частей, оборонявших Ленинград. В 1941 г. здесь находился штаб 21-й дивизии НКВД, принимавшей участие в обороне города. После войны усадьба представляла собой руины.

В конце 1940-х гг. обсуждался вопрос о реставрации архитектурного памятника, однако было принято решение реконструировать его под Дом культуры, дополнив жилыми домами для рабочих Кировского завода. Цен-

тром городка стал прежний дворцовый комплекс, надстроенный до трех этажей, по бокам которого возвели две семиэтажные башни. Центральную башню главного здания снесли. Флигели были надстроены до четырех этажей.

Все постройки были решены в традициях классической архитектуры и составляли единый ансамбль. Был сохранен старинный пруд и вековые деревья. От подлинного дворца эпохи классицизма сохранились одноэтажные тосканские колоннады. Частично уцелел обращенный к парку фасад дворца времен Остермана, а своды подвалов опираются на столбы, поставленные еще при Растрелли.

В 1965 г. в бывшем дворцовом здании был открыт Дом культуры – ныне Центр культуры и досуга «Кировец». В 1990 г. Кировский городок был взят под охрану государства как памятник архитектуры. В 2003 г. на главном здании установлена охранная доска.

По материалам сайта Citywalls

**Николай Иванович Хандогин** (1909–1989) с 1935 г. работал в редакции ленинградской окружной газеты «На страже Родины». В 1939–1940 гг. снимал Советско-финскую войну. После нападения Германии на Советский Союз был назначен военным фотографом Ленинградского фронта. Фотографировал события в Ленинградской области, в Эстонии и Карелии, в блокадном Ленинграде. После войны продолжал работать в редакции газеты «На страже Родины», а также в журналах «Советский Союз» и «Огонек».



memoria

Всякий документ, историческая справка – вещи безусловно полезные. Единственное, чего им чаще всего не хватает – это эмоции. Они констатируют, информируют, докладывают, могут даже порадовать или напугать неожиданной информацией... Но лишь подкрепленные свидетельства очевидцев, живым наблюдением, они становятся подлинным отражением события или целой эпохи. И не могу я здесь ограничиться сухими цифрами и фактами о 21-й дивизии и бывшей даче Сиверса. Тем более, что есть впечатления очевидцев, записанные «здесь и сейчас», точнее – там, в блокадном Ленинграде, и в те дни, когда все это было увидено людьми с передовой, так же, как видел это папа. Поэтому возвращаюсь к документальной повести Галины Зябловой. С Галиной Георгиевной – вот очередное странное сближение! – мы работали вместе в 70-е годы в газете «Скорородовский рабочий». А в конце 80-х она написала и опубликовала (Лениздат, 1989) книгу о трех бойцах той самой 21-й дивизии, в которой служил мой отец.

В скорородовскую газету мы пришли очень разными путями. Я лишь начал в то время свою журналистскую биографию, а для Галины Георгиевны это была фактическая ссылка из комсомольско-молодежной газеты «Смена». Там в 60-е годы она была восходящей звездой областного масштаба (чем-чем, а талантом Бог не обделил), здесь она стала скромным ответственным секретарем, следила за каждым своим словом и пыталась, по крайней мере, не участвовать во всякого рода попытках вовлечь ее в «вольнлюбивые» разговоры.

История была банальная: они с мужем почитывали не дозволенную для прочтения политически неблагонадежную литературу, а «глаза и уши» увидели и нашептали, куда надо. В итоге оба расстались с любимой работой, и рады были, что не сослали куда подальше.

Герои книги Галины Зябловой «Строка на обелиске» – бойцы, прошедшие Финскую войну: скульптор Ростислав Хотинский и студент Технологического института Марк Гейликман, а также бывший матрос Балтфлота Михаил Вашкевич – воевали в отдельном разведбатальоне дивизии. Первые двое погибли, прикрывая отступающих товарищей, настоящими героями, третий, Вашкевич, описал подвиг своих товарищей, но и сам не дожил до Победы: уже работая корреспондентом дивизионной газеты «За Родину», он умер от тяжелой болезни. Не от вражеской пули. От войны. «Болезнь остановила его... Ночевки в подвалах, на сырой земле, в землянках дали о себе знать... «Главная моя забота – остаться жить, потому что вопрос этот пока остается открытым» – это строчка из последнего письма Михаила Федоровича Вашкевича. Скончался он 28 марта 1943 года от туберкулеза и истощения, как сказано в выписке из истории болезни. «Где похоронен, неизвестно», – помечено там же. Родные приносят цветы на Пискаревское кладбище и кладут их к братской могиле, обозначенной годом тысяча девятьсот сорок третьим».

1941 год. Блокадный город. Больница Фореля. Окопы на передовой. Фронтные будни. То, что видел в те дни и в тех же окопах мой отец, я вижу теперь глазами Михаила Федоровича Вашкевича. Читаю страницы его дневника.

### 14 октября.

Когда идешь от Нарвских ворот к больнице Фореля, то с каждым шагом все очевиднее приближение фронта. Все больше и больше попадает здания, изуродованные снарядами фашистских вандалов, все меньше и меньше мирных жителей. Дорогу в нескольких местах пересекают баррикады с бойницами для винтовок, пулеметов. Оборудованы дзоты и пр.

Сама больница Фореля имеет многочисленные следы разрывов снарядов и мин. Стены зданий в некоторых местах покрыты дырами от осколков, как оспой. Во дворе и на огородах, окружающих больницу, воронки от авиабомб, снарядов и небольшие выбоины от мин. Как-то совсем рядом со мной один из осколков попал по туго натянутой проволоке – раздался звук, как от разрыва гитарной струны.

### 27 октября.

После полуторамесячного перерыва был на Красной. От Зорьки писем нет. Видимо, и она мои не получает. Неужели город находится в осаде? Погоревал я в пустой комнате немного, грустно как-то сделалось – особенно когда затопил печку (чтобы хоть немного прогреть стены), захотелось увидеть у стола всю свою семью.

Старушки-соседки живут плохо. У Ольги Ивановны при одной из бомбежек от сильного взрыва случился нервный паралич. С питанием у них кризис.

В городе ничего не достать. Живут чаем и 200 граммами хлеба. Стараются меньше двигаться, чтобы сохранить энергию...

Когда я уходил из дома, началась бомбардировка района проспекта Маклина и Пряжки. Стекла дребезжали от разрывов. Все население квартиры сгрудилось в передней: все почему-то считают это место менее опасным. А главное, оно ближе к выходу. На улице свистели снаряды и падали где-то вправо от мостика через канал. За Пряжкой полыхал пожар. У женщин, идущих мне навстречу со стороны пожарища, на глазах слезы – видимо, только что видели что-то страшное.

### 29 октября.

Сегодня впервые был на передовой линии, видел врагов, выпустил по ним первые пули... Линия фронта встречала периодическими выстрелами орудий и минометов, «фейерверками» – трассирующими пулями и световыми ракетами. Все это было в стороне от нас, но тем не менее при каждой вспышке ракеты мы припадали к земле. Последнюю сотню метров к передовой «прошли» на четвереньках.

До света пришлось ждать около часу. Мы залезли в какую-то нору, вырытую в земляном валу. Разгоряченные и вспотевшие, быстро остыли и начали дрожать от холода и сырости. Я почти не чувствовал ног – одеревенели от неудобной позы и холода.

Линия нашей обороны довольно примитивна – земляной вал, в котором вырыты ячейки для стрельбы и устроены нары для сна. Сзади наших бойцов, в двух шагах от рва, – канава и ручей. Часть нар залита водой. Бойцы, грязные от копоти и дыма костров, глины, обросли бородами. Пулемет стоит прямо на глиняной куче – без всяких бойниц и блиндажей.

В 400–500 метрах – пулеметная точка и блиндажи фашистов. Простым глазом и в бинокль отчетливо видны фигуры разгуливающих солдат. Около девяти часов утра к блиндажам подошел высокий офицер в длинной, стального цвета шинели. Шел он с фасоном, перескакивая через канавы. Как только подошел к блиндажам, солдаты потянулись к пришедшему. Видя скопление фашистов, мы открыли огонь. Враги попрятались и открыли по нас минометный огонь. Большинство мин падало за нами метрах в пятнадцати, но три мины упали в пяти-шести метрах. Мы залезли в норы и ячейки для стрельбы. В ответ на огонь фашистов наша артиллерия повела стрельбу по их передовым позициям. Мы с радостью отметили, как несколько наших снарядов ударили в башню и зеленый дом, расположенные в 500 метрах от нас и занятые врагами.

### 31 октября.

Я был во второй разведке. По приходе домой узнал, что в окопном журнале «Разведчик» помещено мое стихотворение «Городу Ленина». Кроме того, я написал ряд частушек, критикующих отдельных красноармейцев (по заданию редакции).

### 6 ноября.

Ходил в разведку в третий раз. Прошли деревню Новую – все дома разрушены, от некоторых остались одни трубы. За развороченными стенами –

опрокинутые шкафы, разбитые зеркала, кровати, в грязь закатанное тряпье. Сколько слез и обобранных семей!

В лощине, ближе к передовой, следы недавних боев: остов сгоревшего самолета, гусеницы подбитого танка, неразорвавшийся снаряд, убитая лошадь, десятки воронок от разрывов снарядов и мин.

Последние 150 метров шли по ходу сообщения. Следуя заданию, весь день вели наблюдение за движением групп противника между деревнями Ново- и Старо-Паново, а также по траншеям их передовой линии. Все это нужно, чтобы не быть застигнутыми врасплох, предвидеть, что затевает враг. Фашисты ходят по окопам в касках, уже покрытых белой краской или прикрытых белыми платками. Стрелять из простой винтовки далеко – 700 метров, мы стреляли из винтовки снайпера – с оптическим прицелом.

В ночь на седьмое батальон вышел на передовую, для усиления стоящих там частей.

Вспомним эту ночь на 7 ноября 1941 года. Москва на осадном положении. В 8 часов утра начинается парад на Красной площади. Боевые марши, исполняемые оркестром штаба МВО под управлением Василия Агапкина. Батальоны курсантов, артиллеристы и пехотинцы, зенитчики и моряки. Конница, пулемётные тачанки, танки Т-34 и КВ-1. Речь Сталина. С Красной площади войска отправляются на фронт, на защиту Москвы.

## 20 ноября.

...Днем я был в «Союзпечати». (Довоенное место работы Вашкевича. – Г.И.) Там узнал еще ряд печальных новостей. Две бомбы попали в Почтамт. В городе – голод. Дают по 125 граммов хлеба. Мария Васильевна Демина спросила меня, нет ли в кармане хлеба или сухаря. «Пухну, – говорит, – от недоедания». У нее дочь больная и внучка. Свой и без того скудный паек старается передать им, а сама действительно плоха.

Печален и Ленинград. Лица у всех бледные.

Большие разрушения на улице Гоголя. Многие граждане носят в петлицах круглые плоские стекляшки лимонного цвета – так называемые «светлячки» – светятся в темноте (наверное, фосфорные).

Обратный путь от Нарвских ворот я прошел под обстрелом – то слева, то справа рвали снаряды.

## 27 января 1942 года.

Разбужен был сегодня дребезжаньем стекол – наша дальнбойная батарея, расположенная в километре позади нас, выковыривала фашистов из теплых землянок на тридцатиградусный мороз... Пишу при свете коптилки, резервуар – флакон из-под одеколона, горючее – солярочное масло, фитиль – кусок бинта, вместо стекла – огрызок пробирки, укрепленный над небольшим язычком пламени вертикально, на двух скрепках из жести.

Вчера был в Ленинграде... Целый день я ходил по городу. Громады домов во многих местах зияют пустыми амбразурами окон, провалами в несколько этажей подряд, дырами, пробитыми снарядами. Некоторые дома выглядят рябыми от бесчисленного количества дырок, выбитых осколками снарядов и мин.

Над Невским каждые две-три минуты слышится визг пролетающего снаряда и через две-три секунды его разрыв где-то около Марсова поля.

По ночам город освещается заревом пожаров. Разрушения имеются почти на каждой улице города. Троллейбусы застыли на остановках, покрылись инеем, некоторые врылись в землю, подбитые осколками вражеских снарядов.

Квартиры граждан освещаются фонарями, коптилками и другими светильниками разных конструкций. Витрины магазинов выбиты. Кругом хаос: битое стекло, куски льда, разбитые вещи, обгорелые балки. Остекленных окон очень мало, большинство их защиты щелевой или фанерой...

На углу Невского и Садовой, как раз против входа в «Пассаж», толпа женщин с кувшинами, ведрами, бадейками: из выведенной на поверхность трубы бьет вода. Каждый старается захватить целительную влагу, да побольше,

чтобы не ходить за ней каждый день. Такие сцены, толкучки я видел в детстве, когда вместе с другими ребятами мы лезли в Одигитриевской церкви за святой водой.

Закрываются фотографии, Главпочтамт, не работает телефон. В почтовых отделениях – залежи корреспонденции.

Во все концы города тащат мертвецов. Большинство умерших завернуты в одеяла и привязаны к детским саночкам. Некоторые зашиты как посылки. В городе голод, ежедневно от недоедания умирают тысячи людей...

Возвращаясь, я наблюдал такую сцену: у решетки, когда-то снятой с Зимнего дворца, за Кировским райсоветом, упал человек. Его котомка свалилась на землю. Поднимался он медленно, я решил, что это глубокий старик. Когда подошел к нему с другой стороны улицы, он все еще стоял на одном колене, беспомощно пытается встать. Я помог ему и с горечью убедился, что человек этот моложе меня лет на десять – двенадцать. Оказалось – рабочий



Источник жизни у входа в «Пассаж»



50-е годы. Восставший из руин Ленинград. Пешеходный переход напротив «Пассажа». Справа, рядом с переходом, черное пятно. Возможно, это люк на том самом месте, где брали воду в блокаду

Кировского завода, идет с одеялом, чтобы работать, не уходя из цеха, так как ходить домой сил нет. Кроме хлеба один раз в день он получает жидкую пшеничную баланду. С завода каждый день выходят отремонтированные танки. Это совершают люди, умирающие от истощения у своих станков.

## 20 февраля.

*Был в Ленинграде.*

*Народ в городе повеселел. Прибавка хлеба, выдача кое-каких дополнительных продуктов благотворно подействовали на людей. Публика выглядит живее, чище, ходить начали быстрее. По дворам идет уборка нечистот, которых в связи с отсутствием воды накопились горы. В учреждениях появилось электроосвещение. С 25 февраля, говорят, пойдут трамваи. Работает радио, телефон.*

*Почтамт начал разгрузку завала писем (около 1500 мешков), в этой работе деятельное участие принимает городская комсомольская организация.*

*Смертность от голода значительно уменьшилась, но все еще люди гибнут. На работе у меня умерли за эти дни инструктор Платов, плановик Богданов, молодая сортировщица Гридина... Истощение зашло так далеко, что многих уже не спасти. Во всех учреждениях образованы стационары, куда на десять дней помещают наиболее обессиленных и изголодавшихся работников и восстанавливают их силы под присмотром врача...*

20 февраля 1942 года, когда написаны были эти строки, младшего лейтенанта Аркадия Иоффе в окопах 21-й дивизии уже не было, возможно, он в Москве, а может быть – на пути в Ташкент. Но рассказ об этом неожиданном перемещении в пространстве и его причинах – впереди. А пока, до начала февраля, он со своим взводом, со своими прожекторами на передовой. Бывая в городе, наблюдает все то же самое, что мы только что увидели глазами красноармейца и поэта Михаила Вашкевича.

Итак: Шереметевский парк – практически передовая 14-го полка 21-й дивизии и входящей в их состав 20-й конно-прожекторной роты. В парке – командный пункт полка, в двух километрах, в сторону города по проспекту Стачек, в бывшей больнице имени Фореля – штаб дивизии.

Возвращаюсь к папиным воспоминаниям: *«Впервые опробованная нами тактика освещения противника полевыми прожекторами применялась затем не раз, в том числе и в 1945 году при наступлении на Берлин».* И начинаю новые поиски в океане книг, посвященных Великой Отечественной, пытаюсь отыскать в нем какие-то рассказы, мемуары, сведения, документы, или хотя бы их обрывки, связанные со службой фронтовых прожектористов. О зенитчиках – пусть и не так много, как о летчиках, моряках, пехотинцах, танкистах, артиллеристах, – книги есть (к некоторым из них я уже обращался). А вот о прожектористах, тем более пехотных...

Представляется мне, что идея использования в пехоте прожекторов во 2-м зенитно-прожекторном полку если и не обсуждалась, то, как говорится, витала где-то в районе Лермонтовского проспекта в воздухе. Возвращаюсь к воспоминаниям полковника Прищепова. Не поленюсь повторить фрагмент из его книги, на котором внимательный читатель уже мог задержать свое внимание: *«Утром 9 сентября 1941 года мы прибыли на оперативную позицию около*

*посёлка Металлострой. В это время в трёх километрах от нас шли ожесточённые бои под Колпино. Позиция и всё пространство вокруг обстреливались из миномётов и орудий. Как только мы прибыли, к нам пришёл командир противотанковой батареи и предложил расположить прожекторную станцию так, чтобы мы могли работать не только по самолётам, но и по танкам, другой технике и живой силе врага. Я доложил об этом командиру взвода. Получив добро, мы так и поступили. Артиллеристы помогли нам оборудовать позицию для взаимодействия на случай прорыва немцев и установили у нас свой телефонный аппарат. Работать нам довелось, к счастью, только по самолётам...».*

Почему – «к счастью»? Наверное, побаивались быть обнаруженными противником и лишний раз не рисковали. Говоря о «впервые опробованной нами тактике», папа не мог, скажем так, отвечать за всю войну, и тут к его словам уместно было бы добавить «на нашем фронте». Почему я так уверенно об этом говорю? Потому что нашлось еще одно свидетельство использования прожекторов в пехоте, и более раннее, при отступлении в июле 41-го. Нет, не прав я был, красиво рассуждая о том, что идея эта висела в воздухе над Лермонтовским проспектом и пр. Видимо, какими-то инструкциями, положениями и установками о боевой работе такие действия прожектористов теоретически были предусмотрены. Более того, выяснилось, что ночные атаки с применением прожекторов уже с первых недель войны проводились и... немцами. В тех же боях за Киев...

Нам «было приказано выдвинуться... и освещать» – пишет в своей книге **«891 день в пехоте»** (Харвест, Минск, 2011) Лев Самсонович Анцелиович. Автор, как и сержант Прищепов, служил в 1941 году в должности начальника прожекторной станции, но не на Ленинградском, а на Юго-Западном фронте, в 16-м отдельном зенитно-прожекторном батальоне 11-й бригады ПВО. Кем приказано – не известно. Прожекторные ли начальники, пехотные ли предложили такой метод войны на данном участке фронта? Или артиллеристы, как это описано у Прищепова?

### Рассказ Льва Анцелиовича:

*Роте, в которой воевал я, через несколько дней было приказано выдвинуться к реке Ирпень, при прорыве в ночное время пехоты и танков противника по Житомирскому шоссе к мосту освещать их. Мы заняли позиции у моста через реку Ирпень у населенного пункта Белогородка. Прожектора наши располагались на расстоянии 500–800 м друг от друга. Работа прожектористов заключалась в ослеплении в темное время суток короткими миганиями луча прожектора наступающих войск противника. Прожектора указывали цель для ведения прицельного огня артиллеристам. Луч ослеплял танкистов, вырывал из темноты силуэты немецких мотоциклистов и танки.*

*Танки и моторизованные части гитлеровцев приблизились к реке 11 июля 1941 г. – мы уже стояли на боевых позициях. В дневное время мы вели наблюдение за противником, особенно воздушным. В ночное время начиналась боевая работа.*



В книге «Инженерные войска Советской Армии», изданной в Москве, сказано: «На рубеже Киевского УР 11–14 июля 1941 г. был отражен первый натиск мотопехоты и танков противника, пытавшихся с ходу захватить Киев и переправы через Днепр. Наступало 17 дивизий противника». Это подтверждает факт выхода нашей роты на реку Ирпень и участие в отражении атаки наземных войск.

Враг вел пулеметный огонь, часто повторялись артналеты, кругом рвались мины, но благодаря мастерству прожектористов, очень кратковременным включениям лампы, отрытым окопам ни один ротный прожектор не пострадал.

На этой позиции мы вели бои около недели, а затем наша рота перебралась на левый берег Днепра, усиливая световое поле батальона и 5-го прожекторного полка 3-й дивизии ПВО.

Наверное, несмотря на утверждения некоторых историков, что «прожекторная атака была абсолютно новым тактическим приемом, реально использованным в истории войн один раз – под Берлином», в ходе войны подобных атак (в том числе и со стороны противника) было немало, включая и эту, последнюю, в ночь на 16 апреля 1945 года на Зееловских высотах, в 90 километрах от столицы Третьего рейха. В ней одновременно участвовали 143 прожектора. О правоте/неправоте маршала Жукова, одобрявшего эту идею, об эффективности/неэффективности этих прожекторов столько уже написано генералами, маршалами, военными историками и всеми, кому не лень, столько копий и острых языков сломано еще с тех времен, когда Жуков попал в хрущевскую опалу, что я этой теме и касаться не буду. Лишь добавлю один факт, весьма убедительно свидетельствующий о том, что за годы войны у Красной Армии накопился достаточно солидный опыт использования прожекторов в наземных операциях. И даже были разработаны подробные инструкции на этот счет.

Прожекторная атака в начале Зееловской операции произошла не спонтанно, она была тщательно спланирована. Еще 4 апреля заместителем командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта по ПВО генерал-лейтенантом артиллерии Поздняковым были даны войскам «Указания по боевому применению зенитных прожекторов в наступлении при освещении наземных целей». Прочитав этот (фактически) приказ целиком, поскольку он не только свидетельствует о том, как тщательно была спланирована эта атака, но и дает детальное представление того, как работали фронтовые прожектористы:

### **I. Боевое применение прожекторов**

1. Применение зенитных прожекторов во взаимодействии с наступающими наземными войсками имеет задачей освещение путей продвижения наших наступающих войск, позиций противника и ослепление его.

2. Части зенитных прожекторов решением командующего артиллерией фронта придаются в оперативное подчинение командующих артиллерией армии, которые и ставят им боевые задачи.

3. Зенитные прожекторы используются на направлении главного удара с учетом рельефа местности, который должен допускать распространение светового луча на глубину 3–5 км при фронтальном освещении.

### **II. Выбор ОП и группировка прожекторов**

1. Позиция прожекторной станции состоит из площадки и специально устроенной вышки для боевой работы, котлованов для агрегата (автомашина типа ЗИС-12) и прожектора, а также щелей для укрытия личного состава и кабеля.

2. Прожекторы для освещения наземных целей располагают на удалении до 1 км от переднего края в зависимости от местности.

Удаление прожекторов от артиллерийских позиций в любую сторону должно быть не меньше 150–200 м. Интервалы между прожекторами по фронту 150–200 м.

3. Позиции прожекторов должны обеспечивать непрерывное освещение местности на 3–4 км в глубину обороны противника фронтальным освещением, иметь по возможности скрытые пути подъезда. В лощинах возможна работа прожекторов на специально устроенных вышках.

4. Выбранные позиции должны допускать развертывание прожекторных станций с удалением прожекторов от агрегатов на полную длину силового кабеля (60–180 м в зависимости от системы прожекторов).

### **III. Развертывание боевого порядка прожекторов**

1. При постановке задачи командующим артиллерией армий должны быть учтены технические возможности прожекторных станций.

Основные тактико-технические данные прожекторной станции

а) общий вес системы – 6 т., смонтированной на двухосной машине ЗИС-12, обладающей при бездорожье плохой проходимостью;

б) на развертывание станции с похода для боевой работы – 20–30 минут;

в) продолжительность непрерывного горения угля в станции – 20–30 минут; смена углей – 2–3 минуты;

г) сила света луча – 700–800 млн. свечей;

д) ширина луча (диаметр луча): на дистанции до 1000 м – 25 м, 2000 м – 35 м, 4000 м – 50 м; наибольшее ослепляющее действие луча – на дистанции от 1000 до 4000 м.

2. По получении задачи командир прожекторной части наносит на карту предварительное решение по размещению боевого порядка и организует рекогносцировку позиций и путей подъездов к ним с обязательным участием всех начальников прожекторных станций.

3. Инженерное оборудование прожекторных позиций должно обеспечить расположение прожекторов для боевой работы, укрытия материальной части и личного состава до момента начала работы, для чего подготавливается открытая площадка для боевой работы с радиусом 3 м, глубиной 0.5 м, или вышка размером 2,5х3 м грузоподъемностью 1.2–2.2 т; котлованы для агрегата шириной 3 м, длиной 9 м, глубиной 1.8–2 м; котлованы для прожекторов шириной 2 м, длиной 2 м, глубиной 2.5 м; щели для личного состава

шириной 0,75 м, глубиной 1,5 м; щели для укрытия кабеля шириной 0,20 м, глубиной 0,2 м и длиной от 60 до 180 м.

4. Инженерное оборудование одной позиции занимает примерно 75–80 часов.

Расчет прожекторной станции состоит из 5 человек, из них 3–4 девушки, поэтому оборудование позиций для станции их личным составом будет длиться не менее 4 дней.

5. Инженерное оборудование производится заблаговременно, до выхода прожекторов на позиции.

6. Занятие огневых позиций прожекторными станциями производится в ночь до начала наступления. При постановке на позиции прожекторных станций они должны быть укрыты в котловане и тщательно замаскированы, личный состав должен находиться в укрытиях.

7. С началом артиллерийской подготовки прожекторы приводятся в боевую готовность, устанавливаются на площадке или вышке, на что должно затрачиваться не более 30–40 минут. Рабочая сила для вытягивания на котлован прожекторов составляет 3 расчета или 15 человек.

#### **IV. Боевая работа прожекторов**

1. По команде «Дать луч», осуществляемой сигнальным прожектором с дублированием средствами связи (телефон, радио), все прожекторные станции в течение 30–40 секунд дают нормальный луч по горизонту по заданному азимуту (направлению).

Направляя луч впереди своих войск, ни в коем случае не допускать утыкания луча в землю под ноги наступающих.

2. Последующая работа станции заключается в перемещении луча в горизонтальной плоскости с углом поворота от основного направления вправо, влево на 1–50 – 2-00 артиллерийских деления угломера с задачей перекрытия лучей соседних станций. Темп поворота не должен быть менее 15–20 поворотов в минуту.

3. Продолжительность непрерывного действия луча прожекторной станции 55–60 минут, после чего производится смена углей (2–3 минуты). Смена углей во взводе производится поочередно, одновременно не более одной станцией.

4. В случае отсутствия луча станции световое поле должно перекрываться соседними, ближайшими по расстоянию станциями.

5. Повороты прожекторов по горизонту производить от штанги; начальник прожекторной станции обязан своевременно подменять штангистов другими номерами, не допуская ослабления темпа поворота.

#### **V. Управление и организация связи в прожекторных частях**

1. Управление прожекторами, действующими в полосе одной армии, объединяется одним начальником. Начальник прожекторной группы имеет прямую телефонную и радиосвязь с командующим артиллерией армии, от которого получает распоряжение на работу. На КП командующего артиллерией армии имеется офицер от прожекторной группы.

2. Управление боем начальником прожекторной группы осуществляется по телеграфу, по радио, при помощи сигнального прожектора и специального взвода, находящегося в центре боевых порядков группы.

3. Для управления боевой работой прожекторов на КП начальника прожекторной группы иметь:

- схему боевых порядков прожекторов;
- вычерченные зоны световых целей и неосвещаемых целей;
- схему связи;
- таблицу условных сигналов;
- таблицу позывных.

При каждом командире прожекторной группы должна быть техническая группа для контроля и проверки своевременной работы станций.

4. Как указывалось выше, открытие и прекращение луча производятся по команде командующего артиллерией армии. Самостоятельное прекращение луча прожекторных станций является невыполнением боевого приказа на поле боя со всеми вытекающими отсюда последствиями.

... С помощью трех книжечек, составляющих единый сборник, возвращаюсь назад, в 1941 год, в Ленинград, на позиции пехоты у Шереметевского парка. Это воспоминания ветеранов дивизии под общим названием «На Урицком направлении» (брошюры по 80 страниц, изданные в 1983, 1984 и 1988 годах Советом ветеранов 21-й – 109-й стрелковой дивизии, составитель М.П. Болотов). В читальном зале Музея-библиотеки «Книги блокадного города» на проспекте Юрия Гагарина, 17, перелистываю страницы этих книжечек, скромных с виду, но бесценных по содержанию – по собранным в них воспоминаниям. От маршала Жукова до рядового солдата. С уверенностью, что обязательно найду там хотя бы несколько слов о прожектористах, о конно-прожекторных ротах, переворачиваю страницу за страницей. Вот знакомые имена разведчиков Хотинского, Гейликмана и Вашкевича, героев книги Галины Зябловой «Строка на обелиске», многочисленные рассказы ветеранов дивизии о военных операциях, фронтовых друзьях, окопных буднях, есть даже стихи, рожденные в этих окопах. Делаю выписки, которые могут пригодиться для дальнейшей работы. Но о прожектористах – ни слова.

В итоге, возвращаюсь, говоря военным языком, на исходные позиции: к свидетельствам папы и его сослуживца Родионова. Кроме того, остается еще РГК – «резерв главного командования». Просматриваю названия архивов, в которых, пусть теоретически, могли бы сохраниться нужные мне сведения. Самый большой и главный, наверное, – ЦАМО: Центральный архив Министерства обороны. 1941 год. Ленинградский фронт.

«Ленинградский фронт», «Оперативный отдел штаба». «Дело № \_\_\_\_». Дело без номера. Далее на министерском бланке, в графе «наименование дела», новая запись от руки: «Сведения о боевом и численном составе соединений и частей фронта». Начато 27 августа 1941 г. Окончено 31 декабря 1941 г. На 363 листах. № Фонда 217. № Описи 1221. № Дела по описи 94. № коробки (коробка прописной буквы не удостоилась) 8341. Где-то в этой коробке, на одном из 363 листов...

Долго искать не пришлось. Уже на листе 52 (бланк Штаба Ленинградского военного округа, Организационно-мобилизационный отдел, 24 сентября 1941 г., № 1/36287) нахожу донесение, где упоминаются и конно-прожекторные роты, и 20-я рота, в частности. Гриф «СОВ.СЕКРЕТНО». Чернильный штампик: «Оперативный отдел штаба. Вх. № 01347. 26. 9. 1941».

В документе пять пунктов, пять докладов о передислокации одних частей и о формировании новых: «88 мосто-строительный батальон отправлен 15.9-41г. в распоряжение автодорожного отдела Штаба Фронта», туда же – «56 и 57 дорожно-строительные батальоны»; «сформированная 1 минометным запасным полком отдельная огнеметная рота отправлена 20.9-41г. в распоряжение Начальника Химполигона»; «сформированный по приказу войскам Ленфронта №011 17.9-41г. начальником школы АМР отдельный разведывательный артдивизион отправлен 21.9-41г. в распоряжение Начальника Артиллерии фронта»; «сформированные по приказу войскам фронта №-0038 11.8-41г. ЛОУС 372, 374 и 376 отдельные батальоны связи НКС отправлены 21.9-41г. в распоряжение Начальника Связи Ленфронта».

Все по-военному четко, конкретно и кратко. Первое впечатление при прочтении: фронт (о большом судим по малому) в надежных руках, никакой паники, войска управляемы, слабые звенья армейских частей укрепляются новыми подразделениями. Каждый пункт сообщения – не просто примета, удар пульса огромного фронта, командование которым с 13 сентября было поручено Г.К. Жукову.

(Чего не скажешь о реальном положении дел в войсках Северо-Западного направления, которыми до создания Ленфронта и прибытия Жукова командовал К.Е. Ворошилов. Вот другой документ от 16 сентября 1941 г. – сведения о потерях личного и конского состава Ленфронта с 22 июня по 10 сентября. Убитых – 16 882, раненых – 43 459, пропали без вести – 76 251, по болезни – 2 413... А всего – 146 509. Поражает цифра пропавших без вести: половина от всех потерь! То же по конскому составу: из 28 090 вышедших из строя лошадей – 10 969 пропали без вести. Лишь отстранение Ворошилова, по его собственной просьбе, и приход Г.К. Жукова остановили наступление немецких и финских дивизий в считанных километрах от города. Такова официальная версия. С другой стороны, отступить-то уже было некуда. Подобная картина – возвращаясь к цифрам пропавших без вести за лето 1941-го года – была характерна практически для всех западных фронтов, включая московское направление. Почему страна оказалась не подготовленной к внезапному нападению Германии, почему Армия понесла за считанные недели чудовищные потери – отдельная тема, обсуждению которой, наверное, не будет конца...)

Из пяти пунктов донесения от 24 сентября 1941 года перечислил четыре: со 2 по 5-й. Возвращаясь к первому, в котором содержится та информация, которую так долго искал.

«Для доклада Начальнику Штаба фронта сообщаю:

1. Сформированные 2 корпусом ПВО четыре конно-прожекторные роты РГК 15.9-41г. отправлены в распоряжение:

а/ 12 и 17 роты – 55 Армии

б/ 13 и 20 роты – 42 Армии».

Все точно: 20-я рота – 2-й корпус ПВО – 42-я Армия.

Под донесением подписи начальника огрмоботдела подполковника Ермичева и ст. пом. начальника отдела интенданта 2 ранга Немилова.

Следующие листы Дела – Донесения о численном и боевом составе сформированных подразделений. Пропускаю шесть первых, относящихся к 12, 13 и 17 ротам. По цифрам состава все четыре роты практически идентичны.

Листы 59,60. «Форма № 3. СЕКРЕТНО». «Донесение о численном и боевом составе 20 конно-прожекторной роты по состоянию на "17" Сентября 1941 года».

Ниже – таблица из трех колонок: *Наименование. По штату. По списку.*

Выписываю только те строки, в которых чернилами проставлены цифры:

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ

Комсостав	7	7
Политсостав	1	1
Младший состав	10	7
Рядовой состав	70	73
Всего военнослуж.	88	88

КОНСКИЙ СОСТАВ

Верховых	9	8
Артиллерийских	4	4
Обозных	26	26
Итого	39	38

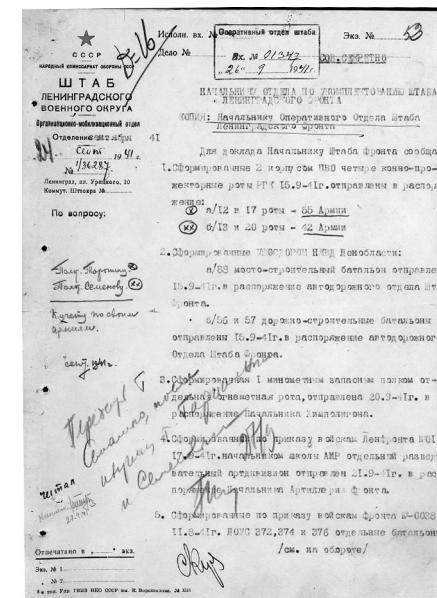
ВИНТОВКИ И ПУЛЕМЕТЫ

Винтовки и карабины	79	37
---------------------	----	----

Прожекторные станции	10	10
----------------------	----	----

Противотанковые ружья, о которых пишет папа, видимо, появились в роте позднее, а может быть, они были на вооружении у пехотинцев, сидевших с прожектористами в одних окопах. Они были одной командой. В целом же рота укомплектована по штату, если не считать стрелкового оружия, которого не хватало, наверное, в любом подразделении Фронта.

Возвращаясь к книге «Прожекторные войска в противовоздушной обороне Ленинграда»,



59

Книжка

численности и состава роты 20. Командир: *Валерьевич Родино*  
 в составе на " 41 " сентября 1941 года.

Имя	1941	1942
Александров	7	7
Борисов	1	1
Васильев		
Григорьев		
Иванов		
Колесников		
Леонов		
Петров	8	8
Сидоров	40	7
Тихонов	70	15
Федотов	88	88
Харьков	9	8
Цыганков	4	1
Шевцов	96	96
Яковлев	33	33

10

Имя	1941	1942
Александров		
Борисов		
Васильев		
Григорьев		
Иванов		
Колесников		
Леонов		
Петров		
Сидоров		
Тихонов		
Федотов		
Харьков		
Цыганков		
Шевцов		
Яковлев		

Председатель роты *Валерьевич Родино*

Ладожского озера. Дальше, на поездах, добрался до столицы. А через некоторое время папа оказался в... Ташкенте. Но это отдельная история, которую я, хотя бы фрагментарно, попытаюсь восстановить в следующей главе.

Почему и Родионов, и папа, были переведены из Ленинграда на новые места службы – можно только догадываться. Может быть, конно-прожекторные роты, эффективные в первые месяцы войны, были переформированы после окончательной стабилизации фронта. А может быть, на других фронтах понадобились офицеры-прожектористы, получившие боевой опыт в пекле ленинградской блокады... Может быть...

мы можем назвать имена четырех из семи офицеров 20-й роты: командир роты лейтенант Валеров, командиры взводов лейтенант Ходасевич, лейтенант (младший лейтенант - ?) Родионов, младший лейтенант Иоффе.

О судьбе Ходасевича ничего не известно. М.А. Родионов стал кадровым военным, дослужился до звания полковника, войну прошел в зенитно-прожекторных полках на должностях командира взвода и командира роты. На Ленинградском фронте провоевал до ноября 1941 года, после чего на

два месяца был переведен в 59-й запасной зенитно-артиллерийский полк. Из Перечня частей войск ПВО страны, входивших в состав действующей армии, известны сроки существования этого полка: 8.9.1941–10.1.1943. Но где и в чьем подчинении находился полк – установить не удалось. Логика подсказывает, что, скорее всего, он был в составе Московской армии ПВО, где впоследствии проходил службу Родионов.

Папа прослужил в Ленинграде на два месяца дольше: в январе 1942 года он был командирован в Москву. Из его коротких рассказов мы с Геней вспомнили: перед отъездом выпили спирта, ехали, укутавшись в тулупы, в кузове полуторки по льду



Младший лейтенант А. Иоффе. Сентябрь 1941 года